

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1)EDN [VYYUIC](https://www.edn.ru/VYYUIC)

ИНТЕРЕС ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ О РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Куксенко А. В.*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-mail: andrei-dfo@yandex.ru***Ткачев С. В.***Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: sertk@mail.ru*

Для цитирования: Куксенко, А. В. Интерес японских разведывательных органов к демографическим данным о России в конце XIX – начале XX вв. / А. В. Куксенко, С. В. Ткачев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 11–25. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1). EDN [VYYUIC](https://www.edn.ru/VYYUIC).

Аннотация. Целью статьи является выявление значимости демографических данных в контексте обеспечения безопасности государства. Основой для анализа послужил исторический опыт ведения разведывательной деятельности Японии на территории России в начале XX века. Главные аспекты работы японских спецслужб раскрыты на архивных и экспертных материалах исследуемого периода, в том числе ставших доступными в последнее время. Исследования показывают, что в конце XIX – начале XX в. значительная часть деятельности Второго (Разведывательного) управления японского Генерального штаба была ориентирована на сбор демографических сведений следующих категорий. 1. Военная статистика (состав, численность, места дислокаций воинских частей; потери в военное время; мобилизационные ресурсы). Получение достоверных сведений данной категории способствовало корректному оцениванию японскими властями военной обстановки и заблаговременному определению российских военно-политических планов. 2. Этнический и социальный состав народонаселения. Сбор и последующий анализ этой информации позволили японской разведке выявлять вербовочные уязвимости у лиц, представлявших разведывательный интерес, успешно склонять их к сотрудничеству либо скрытно получать от них разведывательные сведения.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, японская разведка, демографические данные, этническая ситуация, статистические данные, национальная безопасность

Введение

Одним из ведущих факторов обеспечения процесса управления на различных уровнях выступает информация. В частности, реализация любым государством своих внешнеполитических устремлений не обходится без предварительного учета обстановки в мире.

Решающее значение в данном случае имеют не только сведения, отражающие соотношение сил и направленность политических интересов стран на международной арене, но и информация о состоянии внутренних дел отдельных государств. Такая обстановка может быть рассмотрена как совокупность различных условий:

политических, экономических, географических, социальных и др. Ориентируясь на них, противник может оценивать реальные возможности проведения военных операций или подчинения противоборствующей стороны своей воле посредством применения различных методов воздействия [1]. Несмотря на то, что релевантные заключения относительно потенциала и национальной мощи государства могут быть вынесены только на основании комплексного изучения условий, составляющих его внутреннюю обстановку, следует понимать, что роль некоторых из них является доминирующей.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов формирования верного представления о текущем положении дел в государстве выступают его демографические характеристики. При этом данные о народонаселении (численность, половозрастной состав, миграционное сальдо, а также потенциально важная информация о национальной генетике), позволяют не только повышать осведомленность о состоянии внутренних процессов государства, но и разрабатывать подходы к поиску уязвимостей в системе обеспечения его безопасности. Исторически такая информация всегда рассматривалась как некий «ключ доступа» к механизму опосредованного влияния на политическую жизнь того или иного государства. По словам Сунь-цзы, превзойти и одолеть противника невозможно без изучения состояния обстановки в его лагере [1, с. 272].

В условиях современной нестабильной международной ситуации, при которой как отдельно взятая личность, так и все народонаселение рассматриваются в качестве объектов деструктивного воздействия со стороны, чрезвычайно важно совершенствовать системы защиты государственного суверенитета, опираясь, в том числе, на опыт прошлого. По мнению современного историка А. Г. Зорихина, результаты таких исследований могут быть крайне полезны для отечественных специальных служб в корректировании их текущей деятельности по ряду направлений в области обеспечения государственной безопасности [2, с. 7].

Особого внимания заслуживает опыт Японии, которая в конце XIX – начале XX вв. достигла значительных успехов в области получения стратегически важной информации. Показательно, что современные японские авторы доказывают необходимость создания мощных разведывательных структур, обосновывая это историческим примером удачной деятельности японской военной и военно-морской разведки накануне и во время русско-японской войны [3, с. 9–10].

Японская разведка на рубеже XIX–XX вв.

Формирование японских разведывательных органов происходило в контексте реализации экспансионистских планов правительства и общей стремительной милитаризации страны. Решение вопроса о создании мощной централизованной системы информационного обеспечения виделось японскому руководству в учреждении в структуре Генерального штаба (ГШ) группы специальных подразделений, к ведению которых относилось регулирование внешней разведкой.

Отечественный востоковед Д. М. Позднеев, работавший в Японии в 1906–1910 гг., указывал на то, что роль сбора сведений о заграничных государствах была отведена Второму управлению ГШ. При этом отмечалась недооценка Россией уровня развития Японии, что и послужило одной из важнейших причин

поражения нашей страны в войне 1904–1905 гг. [4, с. 327]. Так, в начале 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин, рассчитывая во что может обойтись нам война с Японией, «исчислял ее стоимость в 700–800 млн руб. при потере от 30 до 35 тыс. чел. убитыми и ранеными и считал достаточной для этой войны 300-тысячную армию¹. Более того, выражал мнение, что «выйдем мы из войны несомненно победителями... Два года тому назад, даже год тому назад мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура и Приамурья. Теперь же можно и не тревожиться» [5, с. 11–12]. Как показала история, оценка способности Японии к ведению высокоинтенсивных боевых действий оказалась весьма далекой от реальности.

Характерно, что беспокойные моменты в информации о реальном состоянии Японии российской властью просто игнорировались. В частности, министр финансов С. Ю. Витте «весною 1903 г. находил, исходя из соображения о безденежье в Японии, что положение на Дальнем Востоке не так опасно, как это представлено в записке бывшего военного агента в Китае генерала К. И. Вогака². Кроме того, игнорировались своевременные предупреждения со стороны посланника в Токио М. А. Хитрово, Великого Князя Александра Михайловича, морского агента в Японии капитана Русина, капитана Добротворского и др. Россия не готовилась к войне сколь-либо серьезно, имея превратные понятия о силах и способностях японцев, и усыпляя себя надеждой на легкое ее предотвращение» [5, с. 14]. То есть здесь можно констатировать явный провал нашей разведки не столько в способности собрать данные и аргументировать выводы, сколько в неспособности убедить российские власти в серьезности проблемы. Характерно, что агрессивные планы Японии были вполне очевидны экспертам-японистам. Так, например, Е. Г. Спальвин еще в 1900 г. предупреждал: «Не может быть никакого сомнения, что все вооружения Японии делаются для наступательных действий, для охранения интересов, еще не созданных и только создающихся. Опасаться нападения Японии не может. Можно опасаться только нападения Японии. У нее нет владений, кроме Формозы и отделенных от нее же островов. Ей нужно или она хочет забрать в свои руки хоть что-нибудь» [6, с. 192].

Власти упустили из виду, что Япония, открыв в середине XIX века свои двери остальному миру, стремительно превратилась в ведущую державу Восточной Азии. Ускоренная индустриализация и рост численности населения (в 1872 г. – 34,8 млн, в 1913 г. – 51,3 млн человек³) создали в маленькой по региональным масштабам стране основу для империалистической идеологии и колониальной политики. После победы в войне с Китаем (в 1894–1895 гг.) Япония приобрела Формозу (Тайвань), затем после русско-японской войны – Корею и богатую полезными ископаемыми

¹ В России были мобилизованы на эту войну 1 365 000 человек, из которых 699 000 стали участниками боевых действий. Были убиты, умерли от ран и болезней 43 300 человек (около 6% участников боевых действий). Со стороны Японии было мобилизовано около 1 200 000 человек, из которых 650 000 стали участниками боевых действий. Были убиты, умерли от ран и болезней 86 100 человек (около 13% участников боевых действий). (Dumas, S., Vedel-Petersen, K. O. *Losses of Life Caused by War*. Oxford: Clarendon Press, 1923. 191 p. Pp. 57–58.)

² Константин Ипполитович Вогак – русский генерал от кавалерии, сотрудник российской военной разведки. С 1889 по 1892 г. работал в Генеральном штабе российской армии по направлению разведывательной деятельности на Дальнем Востоке. С 1892 по 1903 г. – военный агент в Китае и Японии.

³ Japan Statistical Yearbook, 2022. Tokio : Statistics Bureau of Ministry of Internal Affairs and Communications, 2022. Pp. 36–37.

Маньчжурию. Ее положение в качестве мировой державы подкреплялось мощью армии и флота, а также экономическими успехами.

Война 1904–1905 гг., конечно, изменила отношения России к японцам. Настоящее отношение к ним оставалось и позже, особенно на российском Дальнем Востоке. К примеру, в сентябре 1906 г. в секретном письме начальника Генерального штаба А. Е. Эверта на имя Председателя Совета министров П. А. Столыпина отмечалось, что «В настоящее время японцы, ... являющиеся полными хозяевами Японского моря, без особых затруднений могут произвести вторжение в Приморскую область и отрезать ее от сообщения с Сибирью»⁴. В свою очередь, японцы и не скрывали своих намерений. В 1908 г. в японском парламенте военный министр генерал Тераучи дал такое объяснение необходимости роста расходов на вооружение: «Для нас замкнуться в наших настоящих границах было бы равносильно тому, чтобы отступить.... Смысл продолжающегося вооружения Японии в том, что в будущем она будет противостоять Китаю, России и Соединенным Штатам; «яблоком раздора» будет являться Китай, а сама Япония в этом противостоянии будет играть преобладающую роль»⁵. Итак, в данном случае уже имелось вполне осознанное понимание дальнейшего развития ситуации и стратегическое планирование на несколько десятков лет вперед. Удивительная прозорливость военного министра основывалась в том числе и на точных данных японской разведки.

Осознавая всю важность информации о внешней обстановке в процессах принятия собственных решений, японское руководство еще с 1870-х гг. начинает обращать внимание на формирование структур, ответственных за сбор стратегически важных данных о соседних странах. Сначала в структуре армии, а затем и флота были созданы подразделения соответствующей направленности. Так, 3 отдел Морского Генерального штаба на основе донесений офицеров стратегической и оперативной разведки и информации из других источников составлял разведывательные сводки, периодические и тематические доклады, военно-статистические, военно-географические обзоры и секретные справочники [3, с. 21]. Второе управление Генерального штаба (армия) со своей стороны вело параллельную деятельность (агентурная разведка, сбор и сводки секретных статистических, военно-географических сведений и материалов об иностранных армиях и государствах) [4, с. 305].

Следует отметить, что структура разведывательных органов Японии неоднократно подвергалась реорганизационным изменениям ввиду реагирования властей на необходимость развития агентурной разведки и совершенствования методов ее работы. Например, до 1903 г. в японском флоте еще не было кадровых разведчиков, так как существовала система кадровой ротации, предусматривавшая нахождение на одной должности не более двух лет. С 1884 г. Морское министерство направляло офицеров флота на зарубежные стажировки в Россию, страны Европы и США, что позволяло на регулярной основе вести оперативную разведку и сбор сведений, в том числе о дальневосточном театре военных действий [3, с. 21]. Между военно-морской и военной разведкой всегда существовало тесное взаимодействие и обмен разведывательной информацией, что позволяло им не распылять силы

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 262. Об общих мерах к скорейшему заселению Приамурского края. Л. 14.

⁵ Генерал Тераучи обнаруживает свою позицию и объясняет причины вооружения Японии // Новое время. № 11483 (1 марта 1908 г.). С. 3.

и сосредоточить их на работе по основным объектам своих разведывательных устремлений [3, с. 22].

Сведения, представлявшие интерес для японских спецслужб

Японскую разведку интересовал очень широкий спектр вопросов о российском Дальнем Востоке, хотя приоритеты с течением времени менялись. К этим вопросам относились: обучение русских войск, система сигнализации, сведения о грунтовых дорогах и т. д. [7, с. 72]. Неизменным оставался интерес к особенностям политической ситуации, численности населения региона, его национальному составу и настроениям в разных этнических группах, составу вооруженных сил, дислоцированных здесь, военно-топографические вопросы.

Поиск данной информации в досоветский период осуществлялся, как правило, через привлечение к ней местного (практически без участия выходцев из России), в том числе туземного населения. Г. Т. Муров⁶ в своих путевых дневниках рассказывает историю о китайце-хунхузе, который во Владивостоке был нанят японцами в качестве проводника для экспедиции через весь Уссурийский край до устья Амура⁷. Несмотря на публицистический характер самого источника, обилие мелких деталей позволяет оценивать это событие как достоверное с высокой долей вероятности.

В. К. Арсеньев также отмечает, что «у некоторых из них (китайцев в районе залива Пластун – *примечание авторов*) я видел японские записные книжки, в которых они делают съемки около устьев рек и записи на японском и китайском языках.... Нет сомнения, что они (японцы) создали себе такие карты с промерами, каких у нас у самих нет» [8, с. 295–296].

Заметим, что японцев особо интересовал этнический состав населения и его распределение по краю. Почему? Из своих путешествий в Уссурийской тайге В. К. Арсеньев делает следующий вывод: «Что же будут делать местные жители в случае появления японцев (имеется в виду в тайге – *примечание авторов*)? Старообрядцы домов своих не бросят и не сожгут, а останутся на месте. Китайцы примкнут к японцам. Орочи отнесутся к войне безучастно, а, может быть, и примкнут к китайцам» [8, с. 301]. Несмотря на крайне доброжелательное отношение путешественника к местным коренным народностям, он обращает внимание на то, что японцы небольшими подарками и демонстративным уважением к наиболее авторитетным орочам очень быстро добиваются их расположения. Однако «таковая деятельность японцев проявилась только в последние три года» [8, с. 294], то есть уже после русско-японской войны. При этом сами японцы, занимающиеся рыбной ловлей вдоль

⁶ Гантимуров Гамалилла Степанович (Муров) (1850–1921) – первый эвенкийский писатель, этнограф. Оставил после себя романы, драматические произведения, путевые заметки. Дружил с известным сибирским писателем М. В. Загоскиным, состоял в переписке с В. Г. Короленко. Принадлежал к роду известных тунгусских князей Гантимуровых.

⁷ Прибывшие из Японии японцы-«охотники» наняли его проводником как знатока всех тропинок и укромных местечек уссурийской тайги. Долго водил он их по дебрям. Дошли даже до низовьев Амура. Отсюда они повернули на побережье Татарского пролива. Здесь, в одной крошечной, но удобной гавани, их поджидала японская рыболовная яхта. Прежде чем покинуть материк, японцы рассчитали своего проводника и, взяв с него слово никому не говорить об их странствиях по нашим дебрям, ушли... (Муров, Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска : (Путевой дневник) / [Соч.] Г. Т. Мурова. Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1901. 161 с. С. 59–60).

нашего побережья, по мнению В. К. Арсеньева, «шпионы в большей или меньшей степени» [8, с. 294].

Подобная практика японцев для российских военных совершенно не являлась тайной. В описании Уссурийского края В. Р. Канненберга следующим образом охарактеризованы его «племенной состав» и занятия населения: «Русские (уссурийские казаки, преимущественно по западной границе; крестьяне – по долинам рек и в соседстве с казаками); Корейцы – на юго-западе – усердные землепашцы, ныне русские подданные; Китайцы – в глухих долинах, по соседству с туземными инородцами, которых эксплуатируют, частью торговцы; Японцы – торговцы, рабочие, шпионы» [9, с. 122].

О понимании японскими властями исключительной важности военной демографической информации свидетельствует не только особая нацеленность разведки на получение таких данных о других государствах, но и опыт обеспечения собственной безопасности. Как указывает Д. М. Позднеев, превалирующая часть сведений из военной области в Японии составляла государственную тайну. С целью предотвращения распространения какой бы то ни было чувствительной информации японские власти установили тотальную цензуру: особому контролю подвергались все печатные издания с информацией военной специфики, а особенности военного дела самой Японии освещались очень ограниченно [4, с. 304].

Иная ситуация с отношением власти к конфиденциальности сведений военного характера обстояла в царской России. Значительная часть уязвимой для оборонспособности страны информации находилась в открытом доступе. На рубеже XIX–XX вв. российская пресса активно публиковала данные о войсках, которые, по сути, должны были безоговорочно подлежать засекречиванию. Тем не менее эти сведения систематически появлялись на страницах различных открытых изданий, что не могло не привлечь внимание представителей японских разведывательных органов.

Так, российские газеты дублировали значительную часть ведомственных приказов о формировании боевых подразделений, размещали объявления военнослужащих, разыскивающих своих близких и товарищей, а также сообщения корреспондентов о военной обстановке. На всеобщее обозрение попадали списки раненых и убитых, информация о мобилизационных мероприятиях, процессах формирования, составах и численности воинских частей.

Сегодня кажется удивительным, но был совершенно доступен максимально точный для того времени картографический материал. В качестве примера можно привести 10-верстную «Карту части Южно-Уссурийского края, составленную при военно-топографическом отделе Приамурского военного округа с 1888 по 1893 гг.», которая в сравнении с современными космическими снимками дает значимые расхождения только в малодоступной восточной части описываемого района. Или «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», подготовленный В. К. Арсеньевым в 1912 г., с уникальными картами. Равным образом открытыми были и переписи населения, причем в Приморской области они проводились весьма ответственно и представляли собой достоверный материал. Японской разведке имеющиеся сведения оставалось только уточнить.

На основании военных демографических характеристик, извлекаемых из открытых источников и анализируемых в совокупности с другими сведениями, добываемыми агентурным путем, японский Генеральный штаб получил возможность выстраивать целостную и достоверную картину, отражавшую состояние военной ситуации на Дальнем Востоке России и позволявшую делать важные выводы о российских военно-политических намерениях [10, с. 35].

Этнические особенности формирования агентурной сети японской разведки на российском Дальнем Востоке

Осуществляя разведывательные функции, японский Генеральный штаб мог опираться на убывавших за рубеж обычных японских подданных. Многие из них хоть и не относились к действующему составу Разведывательного управления, но, по утверждениям иностранных наблюдателей, получали разрешение на выезд лишь при условии дачи согласия заниматься сбором интересующей японскую власть информации [10, с. 9]. В пользу такого утверждения может говорить, например, весьма забюрократизированный процесс эмиграции из Японии согласно Закону «О покровительстве эмигрантам» от 1 июня 1896 г. и «Правилам применения Закона об охране эмигрантов» 1909 г. [11, с. 439–454], требовавшим в качестве необходимых условий эмиграции на заработки из Японии разрешение от администрации по месту прописки или места жительства, двух подходящих поручителей и/или эмигрантских посредников, утвержденных в Министерстве иностранных дел и ответственных за мигрантов на протяжении 10 (!) лет. Описанный в этих постановлениях процесс, скорее, всецело затруднял эмиграцию, чем ее стимулировал. Поэтому вполне можно предположить, что разрешение получали люди по меньшей мере неслучайные. Весьма показателен и список профессий, представители которых при эмиграции попадали под данные законодательные акты. Это – «земледелие, рыболовство (кроме прибрежных районов Сахалина и русской Приморской области), горный промысел, ремесла, инженерный промысел, перевозочный промысел, строительный промысел, кулинарный промысел, прачечный промысел, парикмахерский промысел, портняжный промысел, служба в качестве прислуги и... больничных санитаров» [11, с. 444]. То есть действие подобных общих правил эмиграции не распространялось на профессии, которыми в значительной степени были заняты японцы в Приморской области. А именно: публичные дома (522 человек), торговцы (305 человек), часовщики и ювелиры (126 человек), фотографы (76 человек). Также не попадали под правила чиновники, врачи, банковские служащие, агенты пароходных компаний и экспортных контор, учителя, священники (всего 51 человек). То есть всего 1 080 из 2 495 японцев, живущих в Приморской области (около 43%). Причем распределение представителей этих профессий по области было крайне неравномерным. Для сравнения возьмем Хабаровск и Владивосток с примерно равным по численности населением, но имевшим разное военно-политическое значение. В первом было 8 японских публичных домов (118 девушек) и 2 японских фотоателье. Во Владивостоке – 17 японских публичных домов (230 девушек) и 9 японских фотоателье [11, с. 433–437]. Не секрет, что публичные дома издавна использовались военной разведкой в своих целях.

Японские фотографы – отдельный специфичный региональный кейс. Дело в том, что среди военнослужащих царской армии особым спросом пользовалось создание памятных групповых фотографических снимков. При этом японцы, имея мундиры всех военных частей российской армии, предоставляли низшим чинам возможность сниматься в любом из этих мундиров и притом по сниженной цене. Путем якобы праздных расспросов японцы незаметно выведывали у них нужные сведения о российской армии [7, с. 73]. В результате у японского Генерального штаба нередко оказывались многочисленные копии снимков личного состава, в том числе командного, российских войск, располагавшихся во Владивостоке [12, с. 340]. На протяжении всего 1907 г. контрразведчики неоднократно докладывали в штаб Приамурского военного округа об этой функции японских фотографов [7, с. 73].

Исходя из достаточно либеральных представлений о сущности шпионажа, свойственных тому времени, В. В. Граве различал деятельность обычных японцев в информировании своего правительства от настоящей разведывательной деятельности, которую проводили японские офицеры за границей. В частности, он подмечает: «Отличаясь своим особенным патриотизмом, привитым с малолетства, японец всю свою жизнь старается служить на благо и величие своей родины. Где бы он ни путешествовал, каким бы делом он ни занимался, он всюду на первый план ставит себе эту цель и все, что он видел, что поразило особенно его внимание, он старается запомнить, чтобы сообщить это у себя на родине, в надежде, что может быть его сообщение так или иначе пригодится, кому следует.... В этом деле являются почти все японцы, проживающие за границей..., и в этом преступления нет. Их следует различать от настоящих японских агентов, но большей части офицеров, проживающих у нас в населенных пунктах, под видом врачей, часовщиков, сотрудников некоторых газет и пр. Последних легко узнать по незначительности их заработков в сравнении с их образом жизни, частыми отлучками и сношениями с большим кругом лиц. Заведения их обыкновенно расположены или напротив, или в близком расстоянии от правительственных учреждений, больших гостиниц, мест постройки каких-нибудь крупных сооружений» [11, с. 218–219]. Стоит признать, что сегодня представления о том, что считать шпионажем, значительно расширились, и это касается не только нашей страны. В данном отношении современный мир выглядит много более конфронтационным, чем перед Первой мировой войной.

Особо стоит упомянуть систему самоорганизации японцев в Приморской области. В письме Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти от 12 июля 1912 г. № 225/138 с грифом «секретно», адресованном министру внутренних дел Российской империи А. А. Макарову, к примеру, сообщалось о том, что жизнь японцев была организована нелегальными обществами, которые состояли из отделений в городах и селениях. Работа таких обществ находилась под надзором японского генерального консула, который через их представителей получал сведения о мерах обороны российских территорий⁸. А В. В. Граве упоминал о том, что при помощи Общества «Урадзиво-киорюминкай» Генеральный консул Японии во Владивостоке «лучше осведомлен о наших мерах государственной обороны... во всем Крае, так как

⁸ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, Оп. 487. Д. 759. О японских обществах в Приамурском крае. Л. 42.

Общество имеет свои отделения в крупных центрах Приамурья и является, таким образом, лучшей организованной системой шпионажа» [11, с. 212].

Из материалов, изъятых 24 декабря 1910 г. при обыске у владельца публичного дома в с. Раздольном японца Нагано Икудо, следует, что он неоднократно получал от японского консула во Владивостоке Отори Фузиро указания осуществлять сбор информации о корейцах, проживавших как в с. Раздольном, так и в ближайших населенных пунктах. Добытые сведения подлежали упорядочению и документированию в соответствии с направленной консулом формой. Согласно этой форме, японцев интересовали следующие категории данных о корейцах: наименование местности проживания, состав по полу, численности и роду занятий (торговцы, рабочие, прачки, переводчики, земледельцы, рыбаки, врачи, аптекари, служащие)⁹. Характерно, что японцев не интересовало подданство корейцев, хотя у многих из них оно уже было российским.

Также в 1912 г. об участии консульских работников Японии в руководстве деятельностью японских тайных обществ, в том числе по сбору разведывательной информации, министру внутренних дел Российской империи докладывал исполняющий обязанности отдельного цензора по иностранной печати на восточных языках в г. Владивостоке А. Н. Занковский. Он указывал на то, что под консульским покровительством японцы «детально изучают Приамурье, наводняя свою прессу подробными и всесторонними отчетами, корреспонденциями и чертежами о городах, селах и деревнях нашего Дальнего Востока»¹⁰. То есть данная информация была востребована и простым японским обывателем, с практическим интересом наблюдавшим за японской колонизацией пограничных нам Маньчжурии и Кореи.

Вообще характер сведений, доступных японской разведке, свидетельствовал о «наличии в ее распоряжении широкой и достаточно осведомленной сети как среди населения (на приграничной территории обеих стран), так и в рядах армии» [13, с. 48]. Причем использование таких данных позволяло Японии проводить масштабные внешнеполитические операции мирового уровня. Так, например, 20 января 1932 г. военный атташе Японии в Москве подполковник Ю. Касахара (начальник военных резидентов) направил на имя помощника начальника Генерального штаба Японии телеграмму следующего содержания: «В какой бы форме Япония не стала бы сейчас утверждать свое влияние в политическом и экономическом отношении в Сев[ерной] Маньчжурии, СССР не предпримет никаких контрмер. Если Советскому Союзу придется применить вооруженную силу, то ему, в силу экономических затруднений, грозит развал изнутри. Необходимо использовать настоящий момент для того, чтобы незамедлительно утвердить свое влияние в Северной Маньчжурии. Что касается количества войск в Северной Маньчжурии, то можно ни с кем не считаться. Необходимо сейчас же отправить в Маньчжурию возможно большее количество войск» [13, с. 46–47]. Напомним, что уже 1 марта 1932 г. японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

В целом объем миграционной среды, откуда потенциально могла черпать свои агентурные ресурсы японская разведка, был весьма обширен. По данным Первой

⁹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, Оп. 487. Д. 759. О японских обществах в Приамурском крае. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 43.

всеобщей переписи населения, в 1897 г. в Приморской области проживали 31 157 китайцев (67,8% всех иностранцев), 12 436 корейских подданных (27,1%) и 2 062 японца (4,5%)¹¹. Через 13 лет в 1910 г. в Приморской области уже постоянно проживали 36 755 корейцев [11, с. 417] и 4 047 японцев [11, с. 432]. Количество китайцев в связи с сезонным характером их трудовой миграции оценить довольно сложно. Но по подсчетам В. В. Граве, можно приблизительно говорить о 150 000 человек, проживавших здесь временно оседло (то есть несколько лет, как минимум) [11, с. 21].

Особый интерес для японских спецслужб представляли корейцы. Их правовой статус мог оказываться достаточно запутанным: при общем значительном количестве желающих принять российское подданство на него могли рассчитывать только корейцы-старожилы. Но при этом с 1910 г. всех корейских подданных Япония провозгласила японскими подданными. Последнее положение российская статистика не применяла и продолжала учитывать корейцев на своей территории именно как корейцев. Так, в Переписи лета 1915 г. в Приморском районе, включавшем в себя Приморскую область (нынешний Приморский и Хабаровский края) и Северный Сахалин, среди постоянных сельских жителей насчитывалось 18 883 корейцев русских подданных и 25 000 корейцев иностранных подданных¹². Причем 332 поселения были на 100% корейскими [14, с. 54].

Основная проблема с корейцами заключалась в том, что отношение к ним со стороны русских было максимально доверительным. За десятилетия пребывания под российским суверенитетом (и очень часто – подданством) в подавляющем большинстве они проявляли исключительную лояльность к новой родине и ее законам. Однако и среди них японцам все же удавалась вербовка. В значительной степени это было результатом наличия родственных связей на территории собственно Кореи, с 1905 г. фактически захваченной Японией. В 1912 г. помощник начальника Хабаровского контрразведывательного отделения штабс-капитан А. М. Лехмусар в докладе на имя генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба писал: «Все корейское население нашей территории постепенно может превратиться в такую же армию японских шпионов, каковую представляют собой все японцы на нашей территории. Корейцы в качестве японских тайных агентов в иных случаях могут оказаться более опасными, чем сами японцы, так как мы к ним питаем известное доверие и для нас будет труднее угадывать между ними шпионов» [15, с. 21].

В отношении уже завербованных лиц японские специальные службы проводили контрразведывательные мероприятия, и в случае установления факта двойного шпионажа агент придался жестокой казни [16, с. 6]. Так, в 1905 г. безжалостная расправа японцев над китайцами, подозреваемыми в сношениях с русскими, почти совершенно лишила русские штабы агентов разведывательной службы [17, с. 388].

Ситуация не изменилась и в годы Гражданской войны. По данным разведывательной сводки партизанского отряда, действовавшего в Приханкайском районе

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. LXXVI. Приморская область. Тетрадь III. 1905. 212 с. С. X.

¹² Населенные и жилые места Приморского района: Крестьяне. Инородцы. Желтые : Перепись населения 1–20 июня 1915 г. Владивосток : тип. Приморского обл. правления, 1915. 136 с.

в 1922 г., «наибольшее число японских шпионов – корейцы, которые в качестве проводчиков были во всех японских отрядах в большом количестве» [18, с. 157].

Почему значительное число корейцев работало на японскую разведку – вопрос дискуссионный. С одной стороны, крупная корейская диаспора на российском Дальнем Востоке вместе с лояльным отношением к корейцам властей и русского населения в целом делали их желательным и приоритетным объектом вербовки для иностранных спецслужб. С другой стороны, границы в то время были достаточно прозрачными, и корейцы по семейным и коммерческим делам свободно перемещались через них в собственно Корею и в Маньчжурию. Кроме того, родственники на сопредельной территории действительно могли испытывать давление со стороны японских властей, а, соответственно, через них – корейцы, постоянно проживающие на российской территории. Наконец, стоит учитывать изменения в положении корейцев после аннексии Японией их страны. Японцы «сумели найти опору в средних слоях населения Кореи, умело используя существовавшие... прояпонские настроения посредством общества Ильджинхве, возглавляемого корейским предпринимателем Сон Бенджуном» [19, с. 124]. После Первомартовского восстания 1919 г. Япония начала проведение в Корею т. н. «политики культурного управления», нацеленной на постепенное выравнивание политического и социального равенства между корейцами и японцами [19, с. 136]. Хотя основным методом такого «выравнивания» должна была стать ассимиляция корейцев, и эта политика возымела определенный успех. Красноречивым показателем здесь может являться значительная эмиграция корейцев на территорию Японии: к 1945 г. здесь уже проживало около 2 млн корейцев (примерно 7,5% от населения Кореи) [20, с. 35]. Можно констатировать, что лояльность корейцев по отношению к Японии была достаточно высокой.

К этому времени (уже при Советской власти) «разведывательные органы Корейской армии (Япония) считали одним из важных направлений своей деятельности получение сведений о численности и местах проживания корейцев, корейских колхозах, предприятиях, учебных заведениях и общественных организациях Приморья, необходимых для решения задач по линии разведки и контрразведки [15, с. 23].

Таким образом, статистические данные о национальном составе российского Дальнего Востока, прежде всего, о количестве и местах компактного проживания корейцев, считались чрезвычайно важной информацией для спецслужб Японии, которую она с успехом использовала в конце XIX – начале XX вв. для резкого увеличения своего внешнеполитического влияния на Дальнем Востоке.

Заключение

Рассмотренный нами в статье исторический пример наглядно иллюстрирует чувствительный характер для государственного суверенитета демографических данных.

В стратегическом отношении значимость информации о российском народонаселении, являвшейся предметом особенного интереса японских разведывательных органов в конце XIX – начале XX вв., была обусловлена тем, что в контексте не санкционированного и комплексного сбора информации с ее последующим

анализом японским властям открывалась реальная возможность вмешаться в дела России, что для последней являлось серьезной угрозой национальной безопасности.

Успешность деятельности японской разведки в исследуемый период была также обусловлена отсутствием надлежащего внимания со стороны российских контролирующих органов к распространению сведений, представлявших государственную и военную тайну.

На наш взгляд, сегодня в условиях усложнения международной обстановки, с одной стороны, а с другой – резкого увеличения числа информационных ресурсов, баз данных, содержащих демографическую информацию, обновляемую в реальном времени, а также с развитием технологий компьютерного анализа и прогнозирования, необходимо более внимательно использовать имеющийся исторический опыт и по возможности ограничивать параллельный сбор демографических данных о нашей стране со стороны других государств.

Список литературы

1. *Сунь-Цзы. Искусство войны / Сунь-Цзы ; пер. с китайского В. В. Башкеева. Москва : АСТ, 2019. 223 с. ISBN 978-5-17-107639-9.*
2. *Зорихин, А. Г. Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922. Москва : Центрполиграф, 2023. 349 с. ISBN 978-5-227-10318-5.*
3. *Полутов, А. В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Полутов Андрей Вадимович; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ИДВ РАН. Владивосток, 2011. 35 с.*
4. *Позднеев, Д. М. Япония: страна, население, история, политика. Москва : Государственное военное издательство, 1925. 351 с.*
5. *Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург : Типография «Санкт-Петербургские ведомости», 1908. 68 с.*
6. *Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1900–1901 академический год. Владивосток : Паровая Типолиитография газеты «Дальний Восток», 1901 г. 286 с.*
7. *Кондратов, Е. Б. Российское противодействие японской разведке на Дальнем Востоке (1906–1917 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 71–74. EDN [TOEWRN](#).*
8. *Арсеньев, В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг. Хабаровск : типография Штаба Приамурского военного округа, 1912. 335 с.*
9. *Канненберг, В. Р. Военная география. Общий обзор России в военно-географическом отношении. Пограничная полоса России как театра военных действий. Санкт-Петербург : В. Березовский, 1909. 198 с.*
10. *Вотинов, А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Москва : Государственное военное издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1939. 72 с.*
11. *Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве. Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 489 с.*
12. *Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. Санкт-Петербург : изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 470 с. ISBN 5-288-03737-X.*
13. *Капистка, В. В. Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 44–48. EDN [HUHVQN](#).*
14. *Ткачев, С. В. Сельское население Приморского переселенческого района по переписям 1913–1915 гг. / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3 (62). С. 50–68. DOI [10.24866/1998-6785/2022-3/50-68](#). EDN [NZCGDW](#).*

15. Полутов, А. В. Корейская агентура японской военной разведки против советского Приморья в 1924–1942 гг. // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 2: Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939–1945). 2013. С. 19–29.

16. Азиатикус. Разведка во время Русско-японской войны. Санкт-Петербург : В. Березовский, 1907. 64 с.

17. Левицкий, Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Москва : Изд-во Эксмо, 2003. 672 с.

18. Мини, И. И. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Москва : «Полиграфкнига», 1934. 236 с.

19. Иванов, К. В. Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Иванов Константин Владимирович; Иркутский государственный институт. Иркутск, 2014. 267 с.

20. Гайкин, В. А. Корея в составе Японской империи (1910–1945 гг.). Экономические и демографические последствия // Россия и АТР. 2000. № 3 (29). С. 30–36.

Сведения об авторах

Куксенко Андрей Валерьевич, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: andrei-dfo@yandex.ru.

Ткачев Сергей Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); РИНЦ SPIN-код: [2360-1718](https://www.rscd.ru/author/2360-1718); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTEREST OF JAPANESE INTELLIGENCE AGENCIES IN DEMOGRAPHIC DATA ABOUT RUSSIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Andrei V. Kuksenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: andrei-dfo@yandex.ru

Sergei V. Tkachev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sertk@mail.ru

For citation: Kuksenko, A. V., Tkachev S. V. Interest of Japanese Intelligence Agencies in Demographic Data about Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 11–25. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1).

Abstract. The aim of the article is to identify the significance of demographic data in the context of ensuring national security. The analysis is based on the historical experience of Japanese intelligence activities in Russia in the early 20th century. The main aspects of the work of Japanese intelligence services are revealed based on archival and expert materials from the period under study, including those that have become available recently. Research shows that in the late 19th – early 20th centuries, a significant part of the activities of the Second (Intelligence) Directorate of the Japanese General Staff was focused on collecting demographic information in the following categories. 1. Military statistics (composition, number,

locations of military units; wartime losses; mobilization resources). Obtaining reliable information in this category contributed to the correct assessment of the military situation by the Japanese authorities and the early determination of Russian military-political plans. 2. Ethnic and social composition of the population. The collection and subsequent analysis of this information allowed Japanese intelligence to identify recruitment vulnerabilities in individuals of intelligence interest, successfully persuade them to cooperate, or covertly obtain intelligence information from them.

Keywords: Russian Far East, Japanese intelligence, demographic data, ethnic situation, statistical data, national security

References

1. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny [The Art of War]* / translated from Chinese by V. V. Bashkeeva. Moscow : AST Publishing House, 2019. 223 p. ISBN 978-5-17-107639-9.
2. Zorikhin, A. G. *Voennaya razvedka Yaponii protiv Rossii. Protivostoyanie specsluzhb na Dal'nem Vostoke. 1874–1922 [Japanese Military Intelligence against Russia. Confrontation between Special Services in the Far East. 1874–1922]*. Moscow : Centerpolygraph Publishing House, 2023. 349 p. ISBN 978-5-227-10318-5. (In Russ.).
3. Polutov, A. V. *Yaponskaya voenno-morskaya razvedka i ee deyatel'nost' protiv Rossii nakanune rusko-yaponskoj vojny 1904–1905 [Japanese Naval Intelligence and its Activities Against Russia on the eve of the Russo-Japanese War of 1904–1905]* : Abstract of thesis for the degree of candidate of historical sciences : 07.00.03 / Polutov Andrei Vadimovich; Institute of History, Archeology and Ethnography of peoples of Far East FRI RAS. Vladivostok, 2011. 35 p. (In Russ.).
4. Pozdneev, D. M. *Yaponiya: strana, naselenie, istoriya, politika [Japan: Country, Population, History, Politics]*. Moscow : State Military Publishing House, 1925. 351 p. (In Russ.).
5. Semyonov-Tyan'-Shanskij, A. P. *Nashi blizhajshie zadachi na Dal'nem Vostoke [Our Immediate Tasks in the Far East]*. Saint-Petersburg : Typography of "Vedomosti St.-Petersburg", 1908. 68 p. (In Russ.).
6. *Protokoly zasedanij Konferencii Vostochnogo instituta za 1900–1901 akademicheskij god [Records of the Meetings of the Conference of the Oriental Institute for the Academic Year 1900-1901]*. Vladivostok : Steam typolithography of "Dalnii Vostok" Newspaper, 1901. 286 p. (In Russ.).
7. Kondratov, E. B. *Rossijskoe protivodejstvie yaponskoj razvedke na Dal'nem Vostoke (1906–1917) [Russian Counteraction to Japanese Intelligence in the Far East (1906–1917)]*. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 5. Pp. 71–74. (In Russ.).
8. Arsen'ev, V. K. *Kratkij voenno-geograficheskij i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja. 1901–1911 [Brief Military-geographical and Military-statistical Sketch of the Ussuriysk Region. 1901–1911]*. Khabarovsk : Printing House of the Amur Military District Headquarters, 1912. 335 p. (In Russ.).
9. Kannenberg, V. R. *Voennaya geografiya. Obshnij obzor Rossii v voenno-geograficheskom otnoshenii. Pogranichnaya polosa Rossii kak teatra voenny'x dejstvij [Military geography. General overview of Russia in military geography. The border strip of Russia as a theater of military operations]*. Saint-Petersburg : V. Berezovskij Publishing House, 1909. 198 p. (In Russ.).
10. Votinov, A. *Yaponskij shpionazh v rusko-yaponskuyu vojnu 1904–1905 [Japanese Espionage during the Russian-Japanese War 1904–1905]*. Moscow : State Military Publishing House of People's Commissariat of Defense of USSR, 1939. 72 p. (In Russ.).
11. Grave, V. V. *Kitaitsi, koreitsi i yaponski v Priamurye : otchet upolnomochennogo M-va in. del V. V. Grave [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region: Report of the Authorized Representative of the Ministry of Foreign Affairs V. V. Grave]*. Saint-Petersburg, 1912. 489 p. (In Russ.).
12. *Iz istorii rusko-yaponskoj vojny 1904–1905 : Sbornik materialov k 100-letiyu so dnya okonchaniya vojny [From the History of the Russian-Japanese War of 1904–1905 : Collection of Materials for the 100th Anniversary of the End of the War]*. Saint-Petersburg : Saint-Petersburg University Publishing House, 2005. 470 p. ISBN 5-288-03737-X. (In Russ.).
13. Kapistka, V. V. *Activities of the Military Intelligence Service of Japan in the Soviet Union in the 1930-s*. *Military History Journal*. 2006. No. 8. Pp. 44–48. (In Russ.).
14. Tkachev, S. V., Tkacheva, N. N. *Rural Population of the Primorsky Resettlement District According to the Censuses of 1913–1915*. *Ojkumena. Regional Researches*. 2022. No. 3. Pp. 50–68. DOI [10.24866/1998-6785/2022-3/50-68](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68). (In Russ.).
15. Polutov, A. V. *Korejskaya agentura yaponskoj voennoj razvedki protiv sovetского Primor'ya v 1924–1942 gg. [Korean Agents of Japanese Military Intelligence Against the Soviet Primorye in 1924–*

1942]. *Wars and military conflicts of the twentieth century in the fates of Far Easterners*. Vol. 2: Far Eastern Society during the Second World War (1939–1945). 2013. Pp. 19–29. (In Russ.).

16. Aziatikus. *Razvedka vo vremya Russko-yaponskoj vojny [Intelligence during the Russian-Japanese war]*. Saint-Petersburg : V. Berezovskij, 1907. 64 p. (In Russ.).

17. Leviczkiy, N. A. *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. [Russo-Japanese War of 1904–1905]*. Moscow : Eksmo Publishing House, 2003. 672 p. (In Russ.).

18. Mincz, I. I. *Yaponskaya intervenciya 1918–1922 gg. v dokumentax [Japanese Intervention of 1918–1922 in Documents]*. Moscow : Poligraphkniga Publishing House, 1934. 236 p. (In Russ.).

19. Ivanov, K. V. *Istoricheskie problemy Korei perioda 1905–1945 gg. i ih sovremennoye naslediyе: kolonial'naya modernizatsiya, assimilyatsya koreytsev i problema "proyaponskih deyateley" [Historical Problems of Korea in the Period 1905–1945 and Their Contemporary Legacy: Colonial Modernization, Assimilation of Koreans, and the Problem of "Pro-Japanese Figures"]*. Thesis for the degree of candidate of historical sciences : 07.00.03 / Ivanov Konstantin Vladimiovich; Irkutsk State Institute. Irkutsk, 2014. 267 p. (In Russ.).

20. Gaikin, V. A. *Koreya v sostave yaponskoy imperii (1910–1945 gg.). Ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya [Korea under the Japanese Empire (1910–1945): Economic and Demographic Consequences]*. *Russia and Asia Pacific Region*. 2000. No. 3 (29). Pp.30–36. (In Russ.).

Bio notes

Andrei V. Kuksenko, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Contact information: e-mail: andrei-dfo@yandex.ru.

Sergei V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); RSCI SPIN-code: [2360-1718](https://www.rsci.ru/spin/2360-1718); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Received on 08.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.